

которых имъ нужны для сладкой жизни на шеяхъ другихъ людей,—ложь и клевета до такой степени очевидная, особенно теперь, что единственная возможность продолжать эту ложь состоитъ въ томъ, чтобы запугивать людей своей увѣренностью, своею безсовѣстностью.

Это все то же, что происходило послѣдніе года въ воинскихъ присяжностяхъ: сидѣть за столомъ за зеркаломъ, на первыхъ мѣстахъ, подъ портретомъ во весь ростъ императора, старые, важные, въ регалияхъ чиновники, и свободныя, развязно бесѣдуютъ, записываютъ, приказываютъ и вызываютъ. Тутъ же въ наперскомъ крестѣ и шелковой рябѣ съ выпростанными съдыми волосами на эшпахалихъ, благообразный старецъ-священникъ передъ аналоемъ, на которомъ лежитъ золотой крестъ съ кованнымъ въ золотѣ Евангелиемъ.

Вызываютъ Ивана Петрова. Выходитъ юноша, дурно, грязно одѣтый, испуганный, съ дрожащими мускулами лица и блестящими бѣгающими глазами и прерывающимся голосомъ, шепотомъ почти говоритъ: «я . . . по закону . . . я, какъ христианинъ . . . я не могу . . .»

— Что онъ бормочетъ? спрашиваетъ нетерпѣливо, шуряся и прислушиваясь председатель, поднимая голову отъ книги.

— Говоритъ громче! кричитъ на него полковникъ съ блестящими погонами.

— «Я . . . я . . . какъ христианинъ . . .»

И наконецъ оказывается, что юноша отказывается отъ военной службы, потому что онъ христианинъ.

— Не говори вздору. Ставь въ мѣрку. Докторъ, потрудитесь смѣрить. Годится? — Годится.

— Багюшка, приведите къ присягѣ.

Никто не только не смущенъ, но даже не обращаетъ вниманія на то, что лопочетъ этотъ испуганный, жалкій юноша. «Онъ всё что нибудь лопочаетъ, а намъ некогда, надо еще столькожъ принять.»

Рекуртъ что то хочетъ сказать еще. — «Это противъ закона Христа.»

— «Ступайте, ступайте, безъ васъ знаютъ, что по закону, что не по закону, а вы отпавайте. Багюшка, внушите ему. Слѣдующій: Василій Никитинъ.»

И дрожащаго юношу уводятъ. И кому, и сторожамъ, и Василію Никитину, котораго вводятъ, и всѣмъ, которые со стороны видѣли эту сцену, придется въ голову, что тѣ неясныя короткія слова юноши, тотчасъ же замѣтныя начальствомъ, содержатъ въ себѣ истину, а тѣ громкія, торжественно произносимыя рѣчи самоувѣренныхъ, спокойныхъ чиновниковъ и священника суть ложь, обманъ.

Такое же впечатлѣніе производятъ статьи не одного Farrara, но всѣ тѣ торжественныя проповѣди, статьи и книги, которыя появляются со всѣхъ сторонъ, какъ

только гдѣ нибудь проглянетъ истина, обличающая царствующую ложь. Тотчасъ же начинаются длинныя, умныя, изящныя, торжественныя разговоры или писанія о вопросахъ, близко касающихся предмета съ искуснымъ умолчаніемъ о самомъ предметѣ.

Въ этомъ состоитъ пятый и самый дѣятельный способъ устраненія того противорѣчія, въ которое поставило себя церковное христіанство, исповѣдуя на словахъ Христа и отрицая въ жизни его ученіе и научая этому людей.

Тѣ, которые оправдываются по первому способу, прямо, грубо утверждая, что Христосъ разрѣшилъ насиліе: войны, убійства — сами себя отвергаютъ отъ ученія Христа; тѣ, которые защищаются по второму, третьему и четвертому способу, сами путаются и ихъ легко уличить въ ихъ неправдѣ; но эти послѣдніе, не рассуждающіе, не удаляющіеся разсуждать, а прачущіеся за свое величіе и дѣлающіе видъ, что все это ими, или еще кѣмъ то уже давно рѣшено и не подлежащее уже никакому сомнѣнію,—эти кажутся неуязвимыми и будутъ неуязвимы до тѣхъ поръ, пока люди будутъ находиться подъ дѣйствіемъ гипнотическаго внушенія, наводимого на нихъ правительствомъ и церквами, и не встряхнутся отъ него.

Такъ относился къ моей книгѣ духовные, т. е. исповѣдующіе вѣру въ Христа. И паче имъ нельзя было отнестись: ихъ связываетъ то противорѣчіе, въ которомъ они находятся — вѣры въ божественность учителя, и невѣрія въ его самыя ясныя слова, — изъ котораго имъ надо какъ нибудь выпутываться, и потому нельзя было ожидать отъ нихъ свободныхъ сужденій о самой сущности вопроса, о томъ измѣненіи жизни людей, которое вытекаетъ изъ положенія ученія Христа къ существующему порядку. Такого рода сужденій я ожидалъ отъ сибѣтскихъ, вольнодумныхъ критиковъ, которые ничѣмъ не связаны съ ученіемъ Христа и могутъ свободно смотрѣть на него. Я ожидалъ, что вольнодумные писатели посмотрятъ на Христа не только, какъ на установителя религіи поклоненія и личнаго спасенія (какъ его понимаютъ церковники), а, выражаясь ихъ языкомъ, и какъ на реформатора, разрушающаго старыя и дающаго новыя основы жизни, реформа котораго не совершилась еще, а продолжается и до сихъ поръ.

Такой взглядъ на Христа и его ученіе вытекаетъ изъ моей книги. Но къ удивленію моему изъ числа въ большемъ количествѣ появившихся на мою книгу критикъ, не было ни одной, ни русской, ни иностранной, которая трактовала бы предметъ съ той самой стороны, съ которой онъ изложенъ въ книгѣ, т. е. которая посмотрѣла бы на ученіе Христа, какъ на философское, нравственное и социальное (говоря